

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

О Ангел мой,
вечерняя звезда
над Балтикой взошла,
свои стада
направили домой
влюблённые волхвы,
а я всё жду тебя
один
среди равнин.
Так выстрелом разлучены
лук и стрела
со звоном тетивы.

***

Когда стают босых кармелиток следы на снегу,
невесомых, как птицы, небесных невест,
почерневшие ветки берёз обогреет зюйд-вест,
я случайно влюблюсь и по первой траве пробегу
вдоль Преголи туда, где в апреле цветёт горицвет.

В этой поздней любви не гореть мне дотла,
в парках чуткого сна не бродить до рассвета,
но в тяжёлом дыхании моря, в рыданиях ветра
я расслышу тебя, моя первая дева, нет числа
обещаньям, но память сгорает в костре, как газета.

Ты забудешь меня, своих не нарушив обетов.
О, как сёстры строги твои, целомудренно-босы,
я обетов не дал, остался свободен, пусть вопросы
повисли, как дым, не храни на груди амулетов,
осы страсти кружат над ними, как матросы,
вернувшись из рейса.

***

Тем летом белые лилии
царственно раскачивались на глади озера,
и жёлтые кувшинки терялись в их красоте.
Мы плавали за ними, ныряли,
обрывали у самого дна
их гибкие стебли — лианы
и плыли к берегу на спине,
чтобы желанные девушки
ожерельями из лилий
украсили свои загорелые тела.
Не успевали мы отойти от озера,
как лилии увядали,
так же быстро умирала наша любовь.

Ну что стоишь среди снегов,
Голодный Шиллер?
Кружит метель, и нет стихов
Уж два столетья.
Жизнь не закончена,
Весь век жестокий триллер.
Ты не искал,
Но получил своё бессмертье.

Ты этот город не любил,
Лелеял Веймар,
Но век прошёл, и ты ступил
На эту землю.
Ты вновь студент, в твоём ларце
Блестящий скальпель.
Сквозь зелень бронзы на лице
Следы несчастий.

Прощай, юрист, вперёд, солдат,
Лови удачу,
Поэт и врач среди бродяг
Немного значат.
Стоять средь северных цветов
Певцу свободы —
Разбойнику средь подлецов
Куда спокойней.

Зачем от оперных рулад
Пришёл ты к драме,
Когда откормленный солдат
Шагал по Праге.
Ложился пепел на лицо
В апреле звонком,
И жёг осколок, как копьё
Пробивший горло.

В смертельном смерче устоял
Старинный город,
Его поэт не разменял
Стихи на подать.
Гляди и дальше на театр,
Внимай поэтам,
Пусть «Ода к радости» звучит
Над дивным светом.

***

*Памяти Августа, основателя садов,
имевшего особые заслуги, посвящается друзьями.
1824 год*

В память Августа, основателя сада старого
порта вблизи,
Камень друзья втащили на холм, меж собой
не допуская разлада.
Выбили надпись на нём, а Август остался
лежать в грязи,
Где-то в Сицилии убитый проводником из засады.
Осиротел в Кёнигсберге дом, но жизнь
продолжается сада.

В кроне дерева прячась, птица кричит,
призывая зарю.
Крик протяжен и резок, свистом клинка
рассекает судьбу,
Разрушая одно, сохраняя невольно другое,
даже царю
Неподвластно минувшее время, ночь
за ночью по пустырю
Бессель с сетью бредёт, из ячеи доставая звезду
за звездой.

Так и мы друг за другом бредём средь руин, тесен
круг, в вечность канет
Память о нас, созидавших сады и не певших
воинственных песен.

***

В небо вырваться,
ястребом кружить в поднебесье —
всё одно что остаться жить после смерти.
Вопреки эпитафиям
подниматься всё выше над мелкоколосьем,
крышей, над полем, двором, дорогой,
засыпанной гравием,
слышать отзвуки песен,
щелчки кнутов, шуршание мыши.

Видеть контуры умерших зданий,
старых кладбищ границы,
краем глаза лес и озеро,
где резвятся, как в детстве, твои баловницы,
забыв о преклонном возрасте.
Броситься вниз, выхватить из воды
рыбу и, как серебряный меч, унести на облако,
отыскать в траве следы
матери, полвека назад шедшей доить корову.
жизнь пронеслась кобылицей по родному полю.

Слышишь, ястреб! В небе и дальше пари
между солнечных квантов.
Меня сторожи среди душ
новопризванных в небо курсантов.
Куда только делись их тонкие шеи
и торчащие уши уличных музыкантов.
О Земля, невозможно с тобою расстаться,
жизнь прекрасна, со мною побудь до зари.

Только влюблённым,
 Влюблённым только
 Доступно молиться
 Под куполом неба,
 Любому Богу
 Истово и исступлённо,
 Где и когда угодно,
 На любой латыни,
 Понятной лишь детям,
 Влюблённым и птицам,
 Летящим над морем.

Волынщик

Волынщик, играй болеро,
 играй, не жалея ни Равеля,
 ни лёгких, ни горла,
 ни человека, ни дикого зверя.
 Выдувай серебро,
 с каждым звуком нагляя.
 Нынче время твоё,
 это Клио простёрла
 над тобою крыло,
 но небесные свёрла
 с треском рвут полотно,
 пока зритель покорно
 в твою шляпу сотню кладёт,
 прикрывая ладонью лицо.

Под твоё заунывное пенье
 оживают боги войны,
 Над островом стелется низко
 сладкий запах беды,
 до дурноты кружит головы
 лип кнайпхофских цветенье,

память кроткая выживших, рвеньё
старых служак, отставных генералов
и полковников, в очередь ждущих чины.

Волынщик, играй болеро
до крови из горла,
пусть напомним хрипеньё твоё
о смерти ни в чём не виновных,
как позорно забвеньё
трагедий отцов
в суеде ежедневной сынов.
Пусть злодеям наперекор
валторна
сигналист о тризне
всем входящим в Собор —
в День Успенья
помни о хрупкости жизни.

Того, кто всех простил

Того, кто всех простил,
Но сам был не прощён,
Не называй по имени, молчи.
Пусть робкие лучи
Ночных светил
Сперва ресниц коснутся.
Я нежностью её смущён,
Боюсь очнуться
В темноте один,
Среди руин,
Чьи кирпичи
Разбросаны повсюду,
Как отыскать ключи
От тех дверей, где чудо
Рождается в крови рябин.

Недоверие

Мне казалось, она отдаляется от меня,
под вечер я пообещал ей путешествие к звёздам,
смеялась она надо мной и верила одновременно.
Верила и смеялась.
Ей так хотелось звезду подержать в ладони.

Зимним вечером я повёз её на восток.
Мы мчались в машине навстречу ночи.
Мрак поглощал нас, но она смеялась.
Верила и смеялась.
Ей так хотелось мчаться к звёздам сквозь темноту.

В свете фар перед нами открылось озеро.
Озеро под идеальным, как стекло, льдом.
Звёзды качались под ним, она шла и смеялась.
Верила и смеялась.
Ей так хотелось гулять над звёздами.

Я кричал ей — вернись.
Лёд ещё так тонок, а вода холодна.
Но звёзды манили её, она шла и смеялась.
Не верила мне и смеялась.
Теперь зимой я приезжаю сюда один,
И звёзды дрожат в её ледяных ладонях.

***

Мой август не вернётся никогда,
не прозвучат любви слова,
не упадёт с небес вода
на пыльные поля,
и в мягкие ладони
вечерняя дрожащая звезда
не ляжет угольком костра —
я, тройку в третью степень возведя,
тебя не встречу на своей дороге.

Танго влюблённых

Русские слова
из того польского танго
шепчу я,
танцуя с тобой:
«Утомлённое солнце
нежно с морем прощалось.
В этот час ты призналась,
что нет любви».
Мы медленно кружимся в танце,
и этой мольбой о любви я
загораживаю тебя.
То польское танго
с русскими словами
звучит во мне в эти дни мая.
То старое предвоенное танго
польских евреев,
в котором всё уже случилось:
ужас и радость, смерть и любовь.
Это танго
в наше последнее воскресенье,
говорят, его называли
«танго самоубийц»,
не знаю, может, так и было.
Но время — автор великого романа,
танго выживших звучит во мне
голосом певца
из ещё не сожжённого Минска.
А может, из замёрзшего Магадана
доносится эта музыка,
и синий платочек Изабеллы
летит над нами,
подхваченный ветром времени.

Двор Евы

*В библиотеке Евы Симонайтите в Клайпеде
открыт памятник забытым литовским словам.*

Йозас Шикинялис

Только звук.

Только шорох листвы,
немота двора,
бытия разорванный круг,
эхо тяжких шагов,
глухота, нагота, детвора,
бесправность забытых слов.

Прусская Ева —
первый шаг
из библейского плена
прямо в пену
клайпедской сирени,
Дева с берега Дане,
где есть искушение,
есть и изгнание,
но есть и прощение
после забвенья.

Ещё шаг по двору —
и детские сны:
шипенье ужа,
стук о лодку весла,
треск упавшей сосны,
мягкие крылья совы.
Из темноты забытья
проступают слова,
когда немота
сковала уста — говорят леса
твоим голосом, Йозас.

Я протягиваю руку
и чувствую пожатие
твоей потерянной
правой ладони —
война как реальность
языкового сжатия
и фантомной боли.

Но долгое эхо
утраченных слов,
позабывших на дне
ушедшего века,
будет жить во дворе,
и клайпедская Ева,
прощаясь, мне скажет:
«Скоро утро,
лабас ритас, сынок».

***

Дружище,
ожидаю прозрений
крупинки,
нацеди мне слов
в старую кружку,
где у самого дна чайники.
Ветер осенний
седых пацанов
кружит в танго
со старой пластинки.
В нём ушедших звучат голоса
под ногами живых, умирая.
«Vita», — шепчет листва,
не достигая рая.